
Глава 1

ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Познань, 24 января 1945 г.

С потемневшего неба густо валил мохнатый липкий снег. На крышах средневековых зданий, вплотную подступавших к крепостным стенам, образовались высокие шапки. За какой-то час белоснежная непроницаемая пелена толстым мягким покрывалом окутала поле, развороченное взрывами, разбитую закопченную технику, тут и там торчащую на поверхности. Мягкий пушистый ковер скрыл от взора все то, что оставалось от недавнего сражения. Танки, присыпанные снегом, представлялись сугробами, а покореженные орудия с вывернутыми лафетами, потерявшие всякую геометрическую стройность, виделись остатками древних руин.

Поле неровное, в шатких кочках. Это вовсе не особенности рельефа, а трупы солдат, своих и чужих, присыпанные свежим снегом. Похоронные команды не успели убрать их в прошедшую ночь.

Только близ крепостных стен, черневших вдали неровной лентой, целостное снежное покрывало было изуродовано язвами разрывов. Немного в сторонке поле пересекали две свежие полосы рубчатой колеи от танка, прошедшего там совсем недавно.

Крепость Познань, построенная на перекрестках главных дорог, ведущих в северную и южную часть Европы, с прямым сообщением до Берлина, имела важное стратегическое значение. Эта твердыня, расположенная на господствующих высотах, буквально подавляла окружающее пространство своим величием. Целое тысяче-

летие всякие короли и императоры укрепляли стены крепости, как будто представляли, какое испытание ожидает ее в будущем. Они были такие же толстые и мрачные, как и сама история Познани. Полковыми пушками такой камень не пробить, тут требуются орудия посерьезнее.

Отмычкой для таких ворот могут стать штурмовые инженерно-саперные батальоны, прекрасно зарекомендовавшие себя еще в июле сорок третьего года, когда Шестьдесят второй армии пришлось держать оборону на правом берегу реки Северский Донец, неподалеку от Славянска. В августе была проведена Донбасская наступательная операция, в результате которой Красная армия освободила Харьков.

Прекрасно зарекомендовали себя инженерно-саперные подразделения и при освобождении Одессы и Люблина, где действовали в полном взаимодействии с пехотой, следовавшей по коридорам, проделанным ими. В этом же ряду стоял и город Лодзь, взятый всего десять дней назад. Так что опыта хватало.

Самые первые штурмовые группы были созданы еще во время Сталинградской битвы и сразу доказали свою эффективность. Бойцы, одетые в броню, бесстрашно лезли в самое пекло. Но в Сталинграде их участие носило локальный характер. Солдаты, вооруженные легким автоматическим оружием, успешно штурмовали этажи, а то и целые здания. Именно тогда был получен первый горький опыт. Штурмовые батальоны, увлеченные атакой, прорывались далеко вперед без поддержки танков и полковой артиллерии и нередко попадали под минометный обстрел, что приводило к тяжелым потерям. Поэтому после выполнения задачи по прорыву эти подразделения отводились в резерв для пополнения.

В этот раз они были усилены штурмовыми орудиями и получили танковое сопровождение. Действовать им предстояло в четком взаимодействии с пехотой.

Василий Иванович Чуйков еще раз внимательно перечитал решение оперативного штаба и одобрительно кивнул. На нескольких страницах убористого текста был собран весь боевой трехгодичный опыт использования штурмовых инженерно-саперных бригад, из которого следовало, что им под силу выполнение задач по прорыву укрепленной полосы противника. Но только при наличии четкого и бесперебойного взаимодействия с артиллерией и при поддержке танков.

«Значит, так и будем действовать», — решил генерал-полковник.

Город-крепость Познань был ничем иным, как вершиной фортификационного мастерства. Каждый камень, уложенный в эти укрепления, предназначался для того, чтобы защитить жителей города и успешно отразить нападение самой многочисленной вражеской армии.

Город окружала стена толщиной до четырех метров, усиленная восемнадцатью фортами и более чем полусотней дотов, имеющих бетонированные крыши, способная выдержать даже налет бомбардировщиков. Расположение каждого дота было тщательно продумано. Их пулеметный огонь перекрывал самые вероятные направления наступления Красной армии, в том числе подступы к мостам через реку Варту, магистральные пути и шоссейные дороги.

В самом городе тоже было немало пулеметных гнезд. Они контролировали подступы к фортам и цитадели, были рассчитаны на ведение круговой обороны. Доты, соруженные между фортами, через подземные сооружения имели связь с гарнизоном, что было весьма важно для пополнения боеприпасами и на случай возможной эвакуации. На пересечениях магистралей, включая въезды в город, стояли полевые и самоходные орудия.

В четырех километрах напротив наблюдательного пункта Восьмой гвардейской армии, размешавшегося в немецком блиндаже, в вечерних сумерках хорошо про-

сматривался участок «Восток». Это была самая мощная часть оборонительных позиций познаньского гарнизона, где особое опасение вызывали форты «Граф Кирхбах» и «Притвиц», входившие в кольцо внешнего обвода.

Командующий Восьмой гвардейской армией генерал-полковник Чуйков приник к стереотрубе. Он долго осматривал башни крепостей и заприметил, что разрушения, полученные после первого штурма, были заделаны так мастерски, как будто их и не было вовсе. Крепостные стены ощетинились многочисленными орудиями, которые сейчас молча дожидались следующего штурма. В том, что он состоится в ближайшие часы, у немцев сомнений не возникало.

Командарму оставалось придумать, как провести этот штурм с минимальными потерями. От фронтального удара следовало отказаться. Немцы именно этого и ожидали. Действовать нужно было похитрее.

Генерал-полковник Чуйков повернул стереотрубу на северную часть города и глянул на излучину реки Варты, на берег которой острый углом выпирала цитадель. Направить главный удар по ней? Тоже хорошего мало. Даже на расстоянии пятнадцати километров было видно, насколько там крепкие стены. Где-то внутри каменного массива укрылись опорные пункты с многослойной системой огня, практически незаметные снаружи. Немцы умели маскировать свои огневые позиции.

Василий Иванович до боли в глазах всматривался в обожженные потемневшие стены, пытался отыскать в них что-то похожее на брешь. Но взгляд его натыкался лишь на сплошной гранитный массив без единого намека на какую-нибудь слабость.

А что в районе Обры и Обрского канала?

Местность тоже не для пешей прогулки. Район защищен надежно. Угадываются замаскированные артиллерийские позиции, видна многоуровневая система обороны, состоящая из рядов колючей проволоки, череду-

ющихся с минными полями. Все эти преграды, несущие смерть, предстоит преодолеть русскому солдату.

Вчера вечером разведчикам Двадцать восьмого стрелкового корпуса удалось пленить немецкого пехотного подполковника, утверждавшего, что стены крепости неприступные. Кроме новейшего вооружения, еще не попавшего в войска, гарнизон города имел хорошо подготовленные части, показавшие себя с лучшей стороны на Восточном фронте, а также элитные батальоны СС, воевавшие в Белоруссии.

Под угрозой расстрела подполковник изобразил куда более объективную картину. Выяснилось, что в гарнизоне города-крепости немало частей, едва успевших повоевать. Значительный процент составляли отряды народного ополчения, фольксштурма, состоящие из подростков и стариков. Пленный офицер довольно детально нарисовал карту крепости, отметил на ней самые укрепленные места с огромным количеством артиллерийских и минометных батарей, а также пулеметных гнезд, располагавшихся в основном на участке «Восток».

Он заявил, что гарнизон крепости рассчитывает удерживать ее никак не менее пяти месяцев. Защитники Познани убеждены в том, что в течение этого срока Адольфом Гитлером будет применено новейшее оружие, о котором усиленно твердит пропаганда доктора Геббельса весь последний год. Оно способно в одночасье уничтожить армады русских.

Южные и юго-западные районы города обороняли отряды фольксштурма и части люфтваффе. Немецкое командование считало их откровенно слабыми в сравнении с кадровыми пехотными соединениями и особенно батальонами СС. Это мнение всецело совпадало с данными, полученными нашей войсковой разведкой, и личными ощущениями командарма.

Гарнизон города-крепости находился под командованием опытного кадрового военного. Впрочем, в условиях

войны на такие важные посты других людей не ставят. Генерал Гоннел еще недавно был полковником, прибыл в Познань и сумел за последнюю неделю отбить три атаки на город, две из которых проводили танковые соединения.

Василий Чуйков отошел от стереотрубы, присел за квадратный стол, на котором тускло горела лампа, и шумно продул гильзу «Казбека».

Была еще одна веская причина, по которой следовало наступать именно с южной стороны. В этом направлении хорошо поработала советская артиллерия, засыпала рвы, разнесла на куски огневые точки. Саперы сделали широкие проходы в минных полях, а танки изорвали в клочья многие ряды колючей проволоки и буквально вдавили в землю первую линию немецкой обороны.

Блиндаж, в котором разместился наблюдательный пункт, был немецким, очень вместительным, обжитым. Прежние хозяева рассчитывали провести здесь всю зиму. Он был разделен на две части. В большей располагался наблюдательный пункт, в меньшей — спальная комната. На стенах, как это заведено в немецких пехотных частях, были наклеены фотографии артисток из немецких фильмов. Это были Кристина Зедербаум, Сара Леандер, Ольга Чехова, Марика Рекк и Лени Рифеншталь, занимавшая в этом соцветии особенное, самое почетное место. Ее снимки висели на всех четырех стенах в образе очаровательной брюнетки в меховом белом манто, коротко стриженной шатенки с вызывающим взглядом, мечтательной барышни с волооким взглядом и зажигательной проказницы, исполнявшей фламенко. В этой актрисе с обескровленным лицом ангела было намешано немало страстей. Прежний хозяин блиндажа определенно испытывал к ней нешуточное влечение.

Василий Чуйков ничего не имел против красивых женщин, так что их снимки продолжали висеть, веселить русского солдата.

В другом углу блиндажа, прямо над панцирной удобной кроватью, на гладко обструганной сосновой доске были наклеены семейные фотоснимки, какие можно увидеть у любого солдата. В целлулоидной мыльнице лежали желтоватый обмылок, кисточка для бритья со слипшимися волосками и безопасная бритва.

Генерал-полковник Чуйков подошел к фотографиям и долго рассматривал их. На одной была запечатлена молодая женщина с двумя детьми — мальчиком и девочкой, — одетыми в баварскую национальную одежду. Они стояли на фоне большого дома, посреди цветущего яблоневого сада. Горизонт заслоняла цепь островерхих гор, утыкающихся в дымку облаков. Это был не иначе как юг Германии, застроенный добрыми домами с резными террасами и цветами на широких подоконниках.

На отдельной фотографии был запечатлен улыбающийся майор вермахта лет тридцати пяти. В нижнем правом углу снимка было написано: «1941, апрель». До начала войны с Советским Союзом оставалось два месяца. Предстоящая кампания виделась жизнерадостному майору забавным приключением, после которого он вернется в родную Баварию, нагруженный соболиными мехами. Тогда, в середине сорок первого, ему даже в самом страшном сне не могло привидеться, что через четыре года немцам предстоит встретить русских на границе Германии.

На правой стороне стены оставалось немного места, где недавно тоже было приkleено фото. От него остался лишь белый уголок.

— А здесь что было? — Командарм повернулся к брату Федору, служившему при нем адъютантом.

— Адольф Гитлер, — ответил Федор Иванович. — Сорвали мы его. А вот семейные фотографии решили оставить. Вроде не мешают. Висят себе, ну и хрен с ними! Если они тебе не нравятся, так можно и содрать.

— Пусть вместо обоев останутся, не страшно. Ты вот что сделай, собери-ка ко мне в штаб часа через полтора командиров корпусов и дивизий, устроим совещание. Есть о чём поговорить. А я тут пока над картами поколдую.

Через час темень скрыла город, и он стал неровным темным пятном. Только когда ночь резанула вспыхнувшая ракета, Познань вновь приобрела строгие очертания, стала на минуту торжественной и величавой. Свет быстро иссяк, и крепость вновь погрузилась в зловещую темноту, словно приснилась.

Ровно через час и тридцать минут на наблюдательном пункте собрался командный состав армии. Место хватило всем. Командиры дивизий, руководствуясь неписанным армейским законом, расселись на табуретках, поставленных вдоль стен, а командиры корпусов разместились за небольшим столом.

Справа от командующего армией сидел командир Двадцать восьмого стрелкового корпуса генерал-лейтенант Рыжов, слева — командир Четвертого гвардейского корпуса генерал-лейтенант Глазунов, напротив — генерал-майор Шеменков, командир Двадцать девятого гвардейского корпуса, рядом с ним — командир Семьдесят четвертой гвардейской дивизии генерал-майор Дмитрий Баканов и командир Двадцать седьмой гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Виктор Сергеевич Глебов.

На столе неярко горела лампа, запитанная от аккумулятора. Она освещала рабочую карту командующего с текущей тактической обстановкой. На ней были отображены запланированные действия корпусов и дивизий, обозначены мероприятия, проведенные в течение последних суток. Они включали в себя постановку полков и отдельных соединений в боевой порядок, организацию взаимодействия различных формирований. На карте были указаны маршруты движения дивизий и фортификационные сооружения немцев. Условными обозначениями отмечались артиллерийские батареи противника, стоявшие

впереди крепости, и минные поля. Три из них были уже разминированы прошлой ночью. Не забыты были доты и даже отдельно стоящие танки, прямыми аккуратными линиями обозначены секторы огня пулеметных расчетов.

Карта выглядела слишком уж подробной, перегруженной всевозможными условными обозначениями. Но каждый участник оперативного совещания понимал, что в действительности показана всего лишь часть того, что удалось выявить пешей и авиационной разведкам. Значительная часть артиллерии и пулеметные расчеты противника скрывались в многометровых стенах крепости. Обнаруженные огневые расчеты могли уже поменять свою позицию, а в тех местах, где планировался прорыв немецких оборонительных линий, могли быть установлены минометные батареи.

Каждый советский военачальник прекрасно осознавал, что наступление следует проводить немедленно, основываясь на свежих разведывательных данных. Пройдет совсем непродолжительное время, и тактическая карта безнадежно устареет. Понадобятся новые сведения, значит, свежие языки, желательно старшие офицеры, конечно же.

Рядом с рабочей картой командующего армией лежала схема местности, скопированная с топографической карты на полупрозрачную бумагу, на которой были указаны места предстоящего форсирования Варты и немецкие позиции вдоль береговой линии. Их насчитывалось немало. Преобладали минометные расчеты и артиллерия.

— Топографическая разведка провела большую работу, — низким голосом проговорил командующий, склонившись над картой. — Авиационная тоже постаралась обеспечить нас очень качественными снимками. — Он показал на фотографии, сложенные в аккуратную стопку. — В условиях быстро меняющейся обстановки это крайне важно. — Чуйков посмотрел на начальника штаба армии генерал-майора Беляевского, сидевшего напротив

него, и продолжил: — Мы тут с Виталием Андреевичем более суток занимались составлением оперативных карт, нанесли на них все, что нам известно по сообщениям всех видов разведки, зафиксировали сведения, раздобытые от языков. В настоящий момент моя рабочая карта выглядит таким вот образом. Она достаточно полная. Командующий фронтом маршал Жуков поставил перед нами задачу взять город в самые короткие сроки. За неделю! — Эти слова окатили генералов холодным душем. — Задача не из легких, понимаю. Но мы обязаны решить ее. Почему город-крепость Познань нужно взять в кратчайшие сроки? В первую очередь это важнейший железнодорожный узел. Через него проходят три железнодорожные ветки. Как только мы его возьмем, станет возможным самым кратчайшим путем снабжать в полном объеме весь Первый Белорусский фронт всем необходимым! Через познаньский железнодорожный узел смогут каждые сутки проходить до восьмидесяти эшелонов с боеприпасами, продовольствием и обмундированием, что, в свою очередь, позволит ускорить победу. Исходя из неудачи предыдущей фронтальной атаки, мы решили поменять план операции по овладению городом-крепостью. Основной наш удар будет наноситься с юга! Против немецкого участка «Восток» мы широким фронтом выставляем Восьмидесят вторую гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора Хетагурова.

Хетагуров, осетин по национальности, худощавый, внешне строгий, принимал участие в Белорусской, Люблиńskо-Брестской наступательной операциях на Магнушевском плацдарме, расположеннном на левом берегу реки Вислы. Именно его дивизия брала город Лодзь, многое чем напоминающий крепость Познань. Чуйков несколько не сомневался в том, что опыт командира дивизии, воевавшего на узких улочках средневекового города, где каждый дом представлял собой хорошо укрепленный форт, будет теперь весьма полезен.

Генерал-майор Хетагуров немедленно поднялся.

— Моя дивизия готова, товарищ генерал-полковник, — заявил он. — Мы уже проводили учения, отрабатывали наступательные действия подразделений в условиях города.

— Хорошо. Вы должны будете с самого начала операции отвлекать на себя основные силы немцев, — продолжил командарм Чуйков. — Вам придется пошуметь как следует, чтобы враг засветил все свои секретные огневые точки. Пусть немцы думают, что восточная сторона — это главное направление нашего удара. В действительности же основные силы атакуют с юга. Двадцать седьмая и Семьдесят четвертая гвардейские стрелковые дивизии форсируют реку Варту южнее Познани и выйдут на южную окраину города. Артиллерийские полки помогут огнем во время переправы. Сразу за полями начинаются плотные постройки. Мне излишне напоминать вам, чем именно городской бой отличается от того, который ведется на открытой местности.

— Устроим такой шум, что фрицам уже ни до чего остального не будет никакого дела, товарищ генерал-полковник! — пообещал командарму Хетагуров.

— Как только огневые точки противника будут выявлены, мы накроем их артиллерией. — Василий Иванович замолчал и бросил взгляд на генерал-майора Михаила Ильича Дуку, сидевшего напротив него.

Этот человек пришел в Красную армию из брянских партизан и получил генеральское звание полтора года назад, когда его отряд перерос в бригаду.

— Итак, Двадцать седьмая дивизия отвлечет на себя внимание немцев. После этого твоя Восемьдесят вторая, Михаил Ильич, приступает к форсированию. Сигнал — три зеленые ракеты. Вы выходите вот в этот район. — Чуйков показал на красную стрелку, уверенно пересекавшую реку и углубляющуюся едва ли не к центру города. — В этом месте лед покрепче будет. Хотя не нужно забывать,